

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53   **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 5 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 303 с.

ISBN 978-5-519-75385-2

ISBN 978-5-519-75385-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАКОННЫЙ БРАКЪ

РОМАНЪ

—

ГЛАВА I.

Въ общемъ присутствіи камской губернской палаты, за большимъ зеленымъ столомъ, посрединѣ котораго стояло зеркало, сидѣли трое: управляющій палатой, Викторъ Викторовичъ Щетининъ, и два члена: Сергѣй Ѳомичъ Ястребовъ и Леонидъ Леонидовичъ Хмелинскій.

Щетининъ былъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, коренастъ, курчавъ, съ загорѣлымъ лицомъ и съ большою уже серебрившейся бородой; Ястребовъ помоложе его лѣтъ на десять на двѣнадцать, высокъ, тонокъ, блѣднолицъ, съ орденомъ на шеѣ и держался такъ прямо, точно онъ былъ крѣпко зашнурованъ въ узкій корсетъ; а Хмелинскій совсѣмъ молодой человѣкъ, всего лѣтъ подъ дридцать, брюнетъ въ очкахъ, усики завитками, сидѣлъ развалиясь и играя бредоками своей цѣпочки.

Всѣ трое только что успѣли за столъ, чтобы открыть засѣданіе общаго присутствія палаты, въ которомъ Сергѣй Ѳомичъ Ястребовъ являлся новымъ членомъ, всего какихъ-нибудь дней шесть тому назадъ прибывшимъ на службу въ Камскъ изъ Петербурга.

— Ну-съ, приступимъ! сказалъ управляющій, развертывая одно дѣло, и тотчасъ же началъ его читать, уложивъ на столъ руки съ локтями.

Ястребовъ внимательно сталъ вслушиваться въ чтеніе и по временамъ дѣлалъ даже карандашомъ замѣтки, на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги, и хмурился.

Хмелинскій наклонился надъ своимъ листомъ и что-то черкалъ на немъ карандашемъ. Изъ его черканья чрезъ нѣсколько времени вышло очень удачное изображеніе молоденькой женщины, одѣтой въ одинъ только панталончики и съ несоразмѣрнымъ притомъ развитіемъ заднихъ частей тѣла. Глянувъ искоса на Ястребова, тоже поглядывавшаго исподлобья на его работу, Хмелинскій быстро замаралъ свое произведеніе и перевернулъ листъ на другую чистую сторону. Управляющій, наконецъ, дочиталъ дѣло и, положивъ его на столъ, откинулся на спинку стула, предоставляя такимъ образомъ членамъ сказать свое слово. Хмелинскій молчалъ, ожидая, что скажетъ Ястребовъ, и уже желѣлъ въ душѣ намѣреніе возразить ему. Ястребовъ молчалъ, ожидая, что скажетъ Хмелинскій, намѣреваясь обоимъ, и Хмелинскому и управляющему, сдѣлать сюрпризъ.

— Ну-съ, господа члены, извольте высказать свое мнѣніе, предложилъ управляющій.

Сергѣй Ѳомичъ осторожно положилъ карандашъ на листъ бумаги, даже нѣсколько придавилъ его къ листу и началъ мѣрнымъ и тихимъ голосомъ, что на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей закона и циркуляровъ его выс—ства господина министра за такими-то нумерами отъ такого-то года и числа, дѣла, подлежащія разсмотрѣнію въ общемъ присутствіи палаты, прочитываются членами наканунѣ дня засѣданія для предварительнаго и болѣе подробнаго ознакомленія съ ихъ сущностію. Сказавъ это, онъ, повидимому съ глубокимъ сожалѣніемъ заявилъ, что впечатленіе прошлаго дня ожидалъ изъ палаты къ себѣ на квартиру дѣлать, но не дождался, чѣмъ и былъ не мало пораженъ. Пока онъ говорилъ, управляющій началъ въ свою очередь черкать что-то карандашемъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги. Если бы Ястребовъ могъ поближе наклониться къ этому листу, то увидѣлъ бы на немъ, хотя и слабо начертанное, но довольно определенное изображеніе осла съ длинными ушами. Можетъ быть, именно изъ предосторожности управляющій,

вдругъ спохватившись, поспѣшно зачеркалъ рисунокъ и отодвинулъ отъ себя листъ въ сторону, очевидно для того, чтобы снова не увлечься какимъ-нибудь рисункомъ. Скрестивъ за тѣмъ на груди руки, онъ сталъ смотрѣть прямо въ глаза Ястребову, точно говоря этимъ взглядомъ: «видите, я слушаю внимательно, не смотри на то, что ни съ однимъ изъ сказанныхъ вами словъ не согласенъ». Ястребовъ окончилъ записаніе и сталъ разсматривать свои длинные, тонкіе пальцы. Управляющій продолжалъ на него смотрѣть, какъ будто все еще вслушиваясь въ звуки его тихой и вкрадчивой рѣчи, не смотря на то, что въ это время уже говорилъ Хмелинскій и говорилъ совсѣмъ не тихо и не вкрадчиво, а съ задоромъ и очень громко и съ большою поспѣшностію. Сохраняя попрежнему упорное молчаніе, управляющій перевелъ свой взглядъ на Хмелинскаго, но теперь этотъ взглядъ не былъ сосредоточеннымъ, скорѣе недовольнымъ и сердитымъ.

Возражая Ястребову, Хмелинскій никакихъ указаній ни на законы, ни на циркуляры, а тѣмъ болѣе на пумера, годы и числа не дѣлалъ, а прямо началъ съ того, что «въ наше время, когда», и сослался даже на какую-то передовую статью петербургскихъ вѣдомостей.

Пока онъ говорилъ, управляющій хмурился и даже покачалъ головой при одной какой-то его фразѣ, почему-то показавшейся ему крайней легкомысленной. Ястребовъ слушалъ тоже молча, но уже совершенно безучастно, и пока Хмелинскій говорилъ, онъ ничѣмъ не выразилъ ни насмѣшки, ни порицанія, точно все говоренное Хмелинскимъ ни въ какомъ отношеніи его не касалось. Вѣроятно, все это вывело, наконецъ, управляющаго изъ терпѣнія, онъ посмотрѣлъ на часы, потомъ отшвырнулъ въ сторону карандашъ и убѣдительнымъ тономъ сказалъ:

— Видите, Сергѣй Ѳомичъ, сколько времени потрачено даромъ. Сидимъ да болтаемъ Богъ знаетъ что, а дѣло, какъ говорится, ни тире, ни ну... А вѣдь все

оттого, что вы дѣлаете совершенно неумѣстную придирку и безпричинно, такъ вотъ «адорово живешь».

— Въ чемъ это придирка, позвольте узнать?.. вкрадчиво и тихо спросилъ Ястребовъ.

Хмелинскій не выдержалъ и выѣшался въ разговоръ.

— А въ томъ именно, милстаре, запальчиво началъ онъ, что вы основываетесь только на буквѣ закона, всегда обоюдоостраго...

— Позвольте, Леонидъ Леонидовичъ,—строго сказалъ ему управляющій,—если мы всѣ въ одно время будемъ говорить, то какой же будетъ толкъ изъ этого? Видите, Сергій Фомичъ, обратился онъ къ Ястребову, вы выдаете себя за ревностнаго чиновника, а между тѣмъ отнимаете у меня и у Леонида Леонидовича и у себя совершенно напрасно время, заставляете меня читать цѣлый докладъ, имѣя въ виду опротестовать самое засѣданіе.

— Вы изволили такъ быстро приступить къ чтенію, что я не успѣлъ вамъ возразить, а прервать чтеніе не нашель удобнымъ, скромно отвѣтилъ Ястребовъ.

Хмѣлинскій опять не выдержалъ и даже привскочилъ со стула, намѣреваясь возражать, но управляющій остановилъ его на первомъ же словѣ. Леонидъ Леонидовичъ немножко какъ будто и сконфузился, недовольный тѣмъ, что ему совсѣмъ не даютъ говорить, однако же замолчалъ и сердито поправилъ свои очки. Потомъ, уже видимо для того, чтобы насколько возможно явственнѣе выразить свое пренебреженіе къ Ястребову, онъ быстро повернулся въ креслѣ бокомъ къ нему и сталъ смотрѣть куда-то въ уголъ, покачивая носкомъ ярко-вычищеннаго сапога. Управляющій и Ястребовъ не обратили на это движеніе Хмелинскаго ни какого вниманія и продолжали говорить.

— Хорошо, положимъ такъ, согласился управляющій, обращаясь къ Ястребову, я поторопился приступить къ чтенію, но вѣдь самый вашъ протестъ есть совершенно неумѣстная придирка.

Ястребовъ молча протянулъ руку за карандашемъ и сталъ его вертѣть между двухъ пальцевъ, спокойно выслушивая, что ему говорилъ управляющій. Потомъ онъ, не снѣша, не возвышая голоса, ровно, медленно и безстрастно отвѣтилъ.

— Если исполненіе въ точности закона есть, по нашему мнѣнію, придирка, то, въ такомъ случаѣ, извольте составить о моей такой придирчивости журналъ и препроводите его въ департаментъ для надлежащаго поступленія со мною по законамъ.

Во время этого отвѣта Ястребова, управляющій сложилъ въ одну массу дѣла, подлежавшія въ этотъ день разсмотрѣнію и, приподнимаясь со стула, сказалъ съ злобной улыбкой.

— Ну, если мы о каждомъ нашемъ спорѣ, въ сущности не стоящемъ выѣденнаго яйца, будемъ составлять журналы и посылать ихъ въ департаментъ, то насъ съ вами попросятъ по добру по здорову убраться вонъ...

— Что же, если заслужимъ и не будемъ имѣть достаточныхъ основаній къ оправданію.

Управляющій, наконецъ, не выдержалъ и, повысивъ голосъ на нѣсколько нотъ сразу, сказалъ.

— Да вы что только о себѣ говорите? Вы о дѣлѣ подумайте! Вѣдь оно будетъ стоять за нашими-то кляузами! Вѣдь вотъ мы сегодня трое съ вами убили день понапрасну, а сколько мы за него возьмемъ? Вѣдь мы тридцать пять рублей за эту пустую-то нашу болтовню получимъ, вѣдь крестьянинъ, съ котораго собираются деньги, чтобы намъ платить, вѣдь онъ за эти деньги три мѣсяца проработаетъ въ потѣ лица. Эхъ, господинъ Ястребовъ, стыдно!

Онъ совершенно красный вышелъ изъ-за стола, сердито отодвигая въ сторону ногой свое кресло, потомъ растворилъ дверь присутствія и крикнулъ изъ сосѣдней комнаты секретаря.

— Возьмите дѣла, отрывисто сказалъ онъ: засѣданіе откладывается до послѣзавтра. Пошлите сегодня бумаги къ г. Ястребову, завтра къ Хмелинскому.

И Ястребовъ и Хмелинскій вышли изъ комнаты общаго присутствія. Хмелинскій, выходя изъ комнаты общаго присутствія, высоко закинулъ голову прошедевъ чрезъ секретарскую комнату съ такимъ важнымъ видомъ, точно онъ вдругъ получилъ значительное повышение по службѣ. Прошедевъ онъ такъ, впрочемъ, не потому, что важничалъ предъ другими чинами палаты, ниже его стоявшими, а именно, чтобы опятьтаки выказать къ тому же Сергѣю Оомичу Ястребову свое пренебреженіе, такъ какъ этотъ самый ненавистный ему Сергѣй Оомичъ шелъ за нимъ слѣдомъ, и шелъ онъ, нужно замѣтить, весьма медленной и скромной поступью. Въ палатскихъ комнатахъ вдругъ стало тихо. Управляющій затворился въ комнатѣ общаго присутствія, гдѣ онъ остался одинъ, видимо разсерженный. Члены, Хмелинскій и Ястребовъ, тоже затворились въ своихъ комнатахъ, и послѣ только что затихшаго громкаго говора явственно слышно было, какъ секретарь, сторбившись надъ своими бумагами, чертилъ перомъ строчку за строчкой.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ прекращенія несостоявшагося засѣданія, третій членъ палаты, болѣзненный и донельзя робкій человѣкъ, Егоръ Ивановичъ Ведеринъ, ничего незнавшій о происшедшемъ въ общемъ присутствіи, выползъ было изъ своей комнаты, намѣреваясь идти къ управляющему съ докладомъ.

— Куда вы, Егоръ Ивановичъ! остановилъ его секретарь, осторожно шмыгнувъ къ нему навстрѣчу и еще издали махая обѣими руками по направленію отъ себя.

— Докладъ несу, шопотомъ отвѣтилъ Егоръ Ивановичъ, заранѣе уже чувствуя, какъ у него задрожали ноги при видѣ встревоженной фигуры секретаря.

Секретарь что-то пошепталъ ему, помахалъ руками, оглядываясь при этомъ назадъ, и Егоръ Ивановичъ тихо, на кончикахъ пальцевъ зашагалъ обратно къ себѣ наперхъ, глубоко вздыхая и что-то нашептывая себѣ подъ носъ.

Онъ шепталъ молитву.

ГЛАВА II.

До конца присутствія, то-есть до того времени, пока стѣнные часы не сдѣлали столь милые чиновничьему сердцу три удара, оставалось часа еще полтора, въ продолженіи которыхъ управляющій не выходилъ изъ своей комнаты. Вся палата уже знала, что общее засѣданіе не состоялось по протесту Ястребова и что управляющій не въ духѣ.

Вскорѣ послѣ тревожнаго отступленія Егора Ивановича бойко влетѣлъ въ секретарскую одинъ изъ вольнонаемныхъ писцовъ, Пищалинъ, и началъ спорить съ секретаремъ, требуя права на входъ къ управляющему.

— Это стѣсненіе свободы! громко говорилъ онъ, въ отвѣтъ на убѣдительные доводы секретаря. Мнѣ необходимо нужно переговорить съ управляющимъ по своимъ дѣламъ...

— Уйди ты, шепталъ секретарь, какія теперь свои дѣла. Управляющій сердитъ—себѣ только нагадишь...

— Вы тыкать меня не смѣете. Всѣ люди равны. Я, можетъ-быть, еще пообразованнѣе васъ. Я въ гимназій поспитывался...

— Чего ты суешь подъ носъ гимназію-то! Вѣдь ты изъ перваго класса за неспособностію исключенъ...

— Анъ не изъ перваго, а изъ четвертаго, и совсѣмъ не за неспособность, а за отвращеніе къ латыни.

Пищалинъ сдѣлалъ новый шагъ къ дверямъ комнаты управляющаго. Секретари загрохотали ему дорогу.

— Не ходите, говорю тебѣ, безъ тебя тутъ много хлопотъ...

— Я закричу, когда такъ...

— Не смѣешь! Онъ тебѣ задастъ...

— Пустите, говорю вамъ! въ самомъ дѣлѣ уже закричалъ Пищалинъ.

— Что за шумъ? вдругъ растворивъ двери, гнѣвно спросилъ управляющій.

— Да вотъ Пищалинъ неизвѣстно зачѣмъ...

Пищалинъ немного сконфузился и оробѣлъ, видя управляющаго разсерженнымъ, но скоро овладѣлъ собою, и только лицо его, смуглое и угреватое, сдѣлалось почти коричневымъ. Онъ бойко подернулъ плечами и смѣло выступилъ впередъ.

— Помилуйте, Викторъ Викторовичъ! Это что же такое, это посягательство на личную свободу, громко заговорилъ онъ, лохматы свои и безъ того лохматые волосы.

Управляющій мрачно окинулъ его съ головы до ногъ.

— Ну что же вамъ нужно? сурово спросилъ онъ. Говорите короче.

— Прибавьте мнѣ жалованья, я не могу за десять рублей гнуть спину съ утра до вечера.

Управляющій молча пожалъ плечами.

— Это, наконецъ, что же такое? Вы получаете больше трехъ тысячъ, а мнѣ десять рублей по вашему много?.. Я думаю, всѣ должны быть равны

Улыбка скользнула по лицу Щетинина. Секретарь, стоявшій около своего стола, фыркнулъ и прикрылъ ротъ ладонью, удерживаясь отъ смѣха.

— Видите, какое впечатлѣніе производятъ ваши рѣчи...

— Да это что! отвѣтилъ Пищалинъ, съ пренебреженіемъ взглядывая на секретаря, — онъ человѣкъ простой, неразвитый...

Управляющій повернулся, чтобы идти обратно къ себѣ въ комнату. Пищалинъ загородилъ ему дорогу:

— Викторъ Викторовичъ, вы прибавьте... Ей Богу, нужны деньги.

— Посторонитесь! коротко и строго сказалъ управляющій.

— Да нѣтъ, что же это въ самомъ дѣлѣ... Я вѣдь не шутя вамъ говорю. Мнѣ, ей Богу, мало десяти рублей въ мѣсяцъ...

— Пустите же, наконецъ! Какъ вы можете загородивать дорогу?